

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РЕАЛЬНО СМОТРИТ НА ВЕЩИ

Любимым словом Гейдара Алиева является «реализм». Отвечая почти на любой вопрос, он говорит: «Если смотреть на вещи реально», «Если исходить из реальности», «Надо дать себе отчет, как реально выглядит картина»... Может быть, именно в этом умении не расходиться с реалиями момента, следовать их требованиям и заключается «великая тайна» акасака среди президентов стран СНГ. Возможно, именно это умение и позволяет ему выигрывать в самых страшных критических схватках. И уж наверняка этому должны научиться люди, которые хотят иметь с ним дело.

— Гейдар Алиевич, по итогам Вашего визита в США, российской прессой Вам приписывались слова о том, что Россия никогда не откажется от имперских замашек. Вы действительно так думаете?

— Я не говорил о том, что Россия никогда не откажется от имперских амбиций. Но то, что в России имперские настроения в определенных кругах имеются, — безусловно. Более того — неудивительно. Ведь Россия, которая столетиями была империей, не может в одночасье моментально перестроиться и отказаться от того, что составляло ее жизнь. Так что обижаться не стоит. Ведь объективность, как в прежние годы говорили — самокритичность, всем идет только на пользу. Она позволяет точнее оценивать ситуацию.

— В России многие уверены, что «прогрессивная имперскость» необходима России.

— Я считаю, что время империализма прошло. Я знаю Россию и считаю, что ей это абсолютно не нужно. Россия сама по себе страна огромная, с огромным населением, экономическим потенциалом, ресурсами. Поэтому она всегда будет иметь свое достойное место в мировом сообществе. И ей не стоит стремиться прибавить к рукам страны, которые окружают ее, входили в состав царской империи или Советского Союза.

Более того, даже когда в Москве просто в газетах выходят статьи вхожих в Кремль людей, в которых говорится о необходимости в интересах России устраивать перевороты, натравливать одних на других, раздувать конфликты, — это вызывает у соседей очень жесткую реакцию. Я помню, перед встречей глав стран СНГ 27 марта мы с Кучмой и Шеварднадзе обменивались по поводу одной из таких публикаций. Шеварднадзе даже хотел отказаться ехать в Москву, если там проводят 'или' рассматривают возможность проведения такой политики. Именно наличие подобных позиций и позволяет мне говорить об империалистических настроениях в России, с которыми необходимо бороться.

— Но во время Вашего визита в США вопрос об отношениях с Россией, о соотношении влияния в регионе Каспия Москвы и Вашингтона вставал не раз. Какие Ваши прогнозы?

— Понимаете, здесь тоже надо исходить из реальности. В Каспийском шельфе заключены огромные богатства. И настало время их использовать. Когда я в 70-е годы работал, то уже добивался выделения средств от советского правительства, чтобы вкладывать их в морскую нефтедобычу. Мне отвечали — зачем это нужно, у нас и так много нефти (тогда в СССР ежегодно добывалось 600—620 млн. тонн). И в Сибири ее добыть легче. Поэтому деньги в Каспий не вкладывались.

Месторождения, на разработку которых мы сейчас только заключаем контракты, разведаны в 60—70 годы. То же самое и в казахском, и в туркменском секторах. С точки зрения экономической целесообразности — это, может быть, было правильно. Но сейчас, когда мы распались, и Азербайджан стал хозяином своих месторождений, мы просто должны их разрабатывать.

Сидеть ждать, когда Россия сумеет это сделать, — на это лет 30 уйдет. Той техники, той технологии, которая есть на Западе, — у России нет. Морская нефтедобыча была в СССР только в Азербайджане.

В 81-м году во главе парламентской делегации Советского Союза я был в Мексике. Там американские компании добывали со дна Мексиканского залива 60 млн. тонн нефти в год. Я специально поехал посмотреть их платформы, технику, технологию — ничего подобного у нас не было. И в прошлом году я посетил норвежские месторождения в Северном море. Слушайте, ничего подобного, конечно, нет ни у Азербайджана, ни у России. Поэтому рано или поздно и сама Россия прибегнет к помощи западных компаний.

Это в бывшем Советском Союзе была установка — будем производить все сами. Мы добивались производства «своего» приблизительно по тому же аналогу, что и на Западе. Но все равно не могли добиться такого качества. Почему в 70-е годы вопрос качества стал одним из главных. Был Знак качества. Были товары со Знаком качества, а были и без. Смешно это, правда? Но это была наша реальность.

Поэтому в России должны без ревности относиться, что мы на Каспийском море будем сотрудничать с западными компаниями. Конечно, хочешь не хочешь, тут пойдет соперничество. А что нам делать? Хотя, подчеркиваю, мы пригласили и российские компании. Но, кроме «ЛУКОЙла», никто на наше предложение пока не откликнулся.

— Может ли Россия «выиграть» у Запада?

— Россия сейчас переживает переходный период, осуществляет экономические реформы, Россия столкнулась с большими финансовыми и экономическими трудностями. В таком положении она не может одно-

временно решать внутренние вопросы и укрепление своего влияния в других регионах мира.

Советский Союз, урезая внутренние программы, пытаясь сэкономить здесь, всячески старался установить себя как супердержаву. Но все успехи носили временный характер. СССР к концу своего существования не мог соперничать с ведущими странами Запада. В свое время я был руководителем советской делегации в Анголе. В Анголе тогда были кубинские войска, там стояли наши военные корабли. Президент Северной Анголы Жозе Эдуарду душ Сантуш учился в Баку. Наше влияние в стране было чрезвычайно большим, потому что благодаря Советскому Союзу Северная Ангола могла воевать против Южной, которую поддерживали американцы. И нефтяные промыслы ангольское правительство эксплуатировало совместно с американскими компаниями. Я даже вел специальные переговоры, чтобы этого не было. Но ничего не добился.

Сейчас, если Россия пойдет по пути Советского Союза и будет соперничать с теми странами, которые находятся на более высокой ступени экономического развития, она просто не выдержит. Для начала Россия должна решить внутренние проблемы, укрепить экономику, подтянуть социальные вопросы.

— Но ведь пока Россия будет укрепляться, американцы ведь ее вообще могут вытеснить из региона. Есть ли у Москвы шанс дождаться улучшения экономической конъюнктуры?

— Это возможно только на основе добрых партнерских отношений, когда имперские амбиции будут окончательно сданы в архив. Мы были связаны с Россией очень много лет. Эти связи никуда не делись, они остались. Но любые попытки вернуться к прошлому, пойти тем путем, который был, когда в Баку должны были выполнять инструкции из Москвы, — уже невозможны. Попытки подобных действий будут вызывать лишь обратную реакцию. Но можно вести более умную политику. Ведя взаимоуважительный и добрый диалог, Россия, уже имеющая здесь столько позиций, может их сохранить.

— Имеет ли шанс выжить СНГ?

— Имеет. Но надо иметь в виду то, что все страны, в него входящие, переживают сейчас трудные переходный период. И хочешь не хочешь, а это не может не влиять. С другой стороны, до сих пор не утвердились принципы полного демократизма и равноправия внутри Содружества. И, как следствие, СНГ тоже испытывает определенные трудности. Поэтому не надо добиваться нереального, чтобы СНГ соответствовало стандартам давно сложившихся союзников, например, типа ЕС. Но, преодолев трудности роста и утвердив демократизм, мы сможем сохранить Содружество для будущего.

— Выступая в Хьюстоне, Вы сказали, что в 75-м году, когда Баку и Хьюстон стали побратимами, вы верили в то, что когда-нибудь делегация независимого Азербайджана придет в Техас. Вы действительно верили?

— Это чувство всегда было. Но одно дело чувство, а другое — реальность. В те годы я, конечно, реально не допускал, что такое возможно. Но в то же время распад Советского Союза абсолютно закономерен. То, что швы, его соединяющие, могут распасться, — такое чувство было.

— Если очень коротко, то почему распался Союз?

— Во-первых, советская социалистическая система стала явно проигрывать экономическому соревнованию. Все 70-е годы в руководстве страны говорилось — на Западе это сделано так, у нас тоже должно быть так. «Так» можно было добиться в отдельных конкретных случаях. А постоянно получать результаты из той системы у нас было невозможно. СССР шел к упадку. Тенденция этого была очевидна.

Но Советский Союз образовался и существовал благодаря коммунистической системе. Упадок этой системы означал так или иначе распад страны. Тем более что во многом эти коммунистические идеи были привнесены на окраины бывшей царской империи насильственно и искусственно. А поэтому не могли иметь там прочных корней. Одно дело Петроград, а другое, предположим, Кавказ.

Говорят, что Беловежское соглашение поставило точку под Союзом. Но ведь это не совсем так. Горбачев же пытался собрать Съезд народных депутатов СССР, но у него ничего не получилось. Потому что случившееся в Беловежской пуще было по душе республикам. Ведь даже в референдуме о сохранении Союза 17 марта 1991 г. не участвовали Грузия, Армения, страны Прибалтики.

— Гейдар Алиевич, Вы много лет проработали в России. Как Вы оцениваете ситуацию в нашей стране?

— Я уже говорил — необходимо продолжить реформы. В 95-м году я встречался в Давосе с Анатолием Борисовичем Чубайсом. Он мне тогда много говорил об опыте реформ в России, которая обгоняла нас по темпу их проведения. Я извлек из того разговора много интересного. Сейчас мы не только приватизируем госсобственность, но уже провели земельную реформу: раздали скот, нарезаем участки земли. Это сразу дало огромную прибавку в сельском хозяйстве. Если раньше я просто умолял Россию продать Азербайджану зерно, то теперь мы отказались от закупок хлеба. Увеличилось количество производимых мяса, молока, яиц. Но, когда я рассказывал об этом Чубайсу во время своего недавнего визита в Москву, он мне отвечал: «Мы просто не можем этого делать, нам не дадут».

Но России необходимо укрепиться в тех реформах, на пути которых она стоит в последние годы. России необходимо остаться демократической страной. Только на этих условиях она сможет остаться великой державой.

«Московский комсомолец»,
№155, 20 августа 1997 г.